

Волшебные стёкла

Когда-то давно люди обратили внимание на то, что остроту зрения можно вернуть с помощью стекла, но не совсем обычного.

Древние греки как-то заметили: стеклянный шар, наполненный водой, зрительно увеличивает предметы. Учёные тех времён посчитали, что причина тому – действие воды. Предприимчивые владельцы лавок тут же начали украшать такими шарами свои витрины. Они помещали в воду плоды, отчего последние увеличивались в размерах и выглядели привлекательнее.

В 1280 году в Европе один из стеклодувов обратил внимание, что капля застывшего стекла увеличивает предметы. «Через это стекло могут смотреть те, кто глазами плох!» - подумали продвинутые умы. «Не иначе как его опускали в колдовское зелье!» - начали утверждать священнослужители. И так как с ревностными борцами с колдовством никто спорить не хотел, дабы не оказаться на костре, развивать тему не стали. К тому же стеклянные линзы делали из толстого и прочного стекла, и смотреть сквозь них было неудобно. Для очков требовалось тонкое, бесцветное и прозрачное стекло. Оно появилось в XIII веке в Венеции. Техника изготовления держалась в строжайшей тайне вплоть до XVI столетия. Работали со стеклом ювелиры – они обрабатывали линзы и собирали очки.

На картинах старинных художников есть изображения людей, использующих «чудесные» стёкла. На картине 1350 года монах-доминиканец читает через увеличительное стекло, а на фреске Конрада фон Зоста XV века один из апостолов держит перед глазами очки в грубой деревянной оправе.

Эскимосы и другие народности Севера, которые живут среди снежных равнин, более двух тысяч лет используют очки «от снега». Они вырезают их из клыков моржей. «Очки» представляют собой тонкую пластину с узкими прорезями для глаз.

Нет точных данных о том, когда очки появились на Руси. Однако о них уже знали в XVII веке. Даже в «Расходной книге денежной казны» царя Михаила за 1614 год значится, что для царя у московского гостя (так называли купцов) были куплены «очки хрустальные».

Носить очки – дело непростое. Конструкторы долго искали способ приладить их к глазам. Сначала был в ходу монокль, представляющий собой стекло на длинной рукояти. Потом начали шлифовать большие двойные стёкла – бинокли. Делали их с двумя ручками. Такое приспособление можно было надеть на нос. Однако эти очки часто падали. Тогда попытались прикрепить их к шляпе. Было неудобно: получалось, что хочешь почитать или что-то рассмотреть – надевай шляпу. Начали вшивать очковые стёкла в ременный пояс, который завязывали на затылке. Стёкла оправляли в железные кольца и соединяли перемычкой. Получалась как бы разновидность пенсне, но без зажима на носу. Наконец, приспособили к очкам заушины, почти совсем как это делается сейчас.

Для изготовления оправ для очков использовали дерево, рог, кожу, китовый ус, черепаховый панцирь, металл. В каждой стране – в соответствии с местной культурой. В Европе всё было экономичнее и проще, а на Востоке материал выбирали, исходя из его магических свойств. Например, оправка из черепахового панциря обещала владельцу долголетие.

На протяжении веков очки совершенствовались, пока не превратились в удобную и необходимую многим вещь. Часто очки подчеркивают статус их владельца: их изготавливают известные фирмы, украшая оправу по желанию заказчика. Очки, соответствующие имиджу, помогают создать стильный образ, но это не влияет на их прямое назначение.

Кому какой хвост достался

Были времена, когда у зверей хвостов не было. И тут прошёл по лесу слух, что всем зверям будут хвосты раздавать. Полетели сороки-белобоки во все стороны по лесам, по полям, по лугам и всем объявили:

- Приходите все звери завтра на большую поляну получать хвосты!

Заволновались звери: «Хвосты? Какие хвосты? Для чего хвосты?»

Лисичка-сестричка говорит:

- Ну, какие никакие, а раз дают, надо брать. После разберёмся для чего они!

С утра потянулись звери на большую поляну: каждому хотелось хвост получить.

Зайчик тоже собрался идти – высунулся из норки и увидел, что дождик сильный идёт, так по мордочке и хлещет. Испугался зайчик и спрятался в норку. Сидит и слышит: земля трясётся, деревья трещат – медведь идёт.

- Дедушка медведь, - просит зайчик, - будут там хвосты раздавать, захвати мне, пожалуйста, хвостик!

- Ладно, - говорит медведь, - коли не забуду – захвачу!

Ушёл медведь, а зайчика раздумье взяло: «Старик он, забудет про меня! Надо кого-нибудь ещё попросить!» Слышит он: туп-туп-туп - волк бежит. Высунулся зайка и говорит:

- Дяденька волк, будешь себе хвост получать, - выбери и мне какой-нибудь!

- Ладно, - говорит волк, - принесу, если останется! – и убежал.

Сидит зайка в норке, слышит, трава шуршит – лисичка бежит, и лису попросил хвостик принести.

И много же зверей собралось на поляну! А там на больших сучьях хвосты развешаны. И каких там только нет: и пушистые – распушистые, и веером, и метёлкой, есть и гладкие, как палка, есть кренделями, есть завитушками, и длинные, и короткие – ну всякие – превсякие!

Лиса первая поспела, выбрала себе хвост пушистый, мягкий, пошла домой довольная, вертит хвостом, любит. Конь прибежал, выбрал себе хвост с длинными волосами. Ну и хвост! Помахивает – до самого уха достаёт, хорошо им мух отгонять! Пошёл конь довольный. Подошла корова, выбрала хвост длинный, с метёлкой на конце – по бокам машет, слепней отгоняет. Белочка прыгала по головам, по плечам, схватила себе хвостик пушистый, красивый и ускакала. Свинья подошла. Она поднять голову кверху не может, достала что пониже висело – хвост гладкий, как верёвочка. Не понравился он ей вначале. Завила она его колечком – такой красивый стал – лучше всех! Медведь опоздал – по дороге на пасеку завернул – пришёл, а хвостов –то уже нет! Нашёл какой-то лоскутик кожи, обросший шерстью, и взял себе как хвост, - хорошо, что чёрный!

Все хвосты разобрали, идут звери домой. Зайчик сидит в норке, ждёт не дожётся, когда ему принесут хвостик. Слышит – медведь идёт.

- Дедушка медведь, принёс мне хвостик?

- Куда тебе там хвост! Я себе-то вон какой обрывок достал! – и ушёл.

Слышит зайчик – волк бежит.

- Дяденька волк, принёс ли мне хвостик?

- Не до тебя там было! Я себе насилу выбрал потолще да попушистее, - сказал волк и убежал.

Лиса сказала, что забыла зайчику хвост выбрать, а своим пушистым хвостом повертела во все стороны и убежала.

Обидно зайчику стало, чуть не заплакал. Вдруг слышит – шум, лай, писк! А это кошка с собакой ссорятся, у кого хвост лучше. Спорили, спорили и подрались. Собака у кошки кончик хвоста отгрызла. Зайчик подхватил его, приставил себе и доволен остался – хоть маленький, а всё-таки хвост.

Корзина с еловыми шишками

Композитор Эдвард Григ проводил осень в лесах около Бергена. Все леса хороши с их грибным воздухом и шелестом листьев. Но особенно хороши горные леса около моря. В них слышен шум прибоя. С моря постоянно наносит туман, и от обилия влаги буйно разрастается мох. Кроме того, в горных лесах живёт, как птица пересмешник, весёлое эхо. Оно только и ждёт, чтобы подхватить звук и бросить его через скалы.

Однажды Григ встретил в лесу маленькую девочку с двумя косичками – дочь лесника. Она собирала в корзину еловые шишки.

Стояла осень. Золотой и медный лиственный наряд покрывал горы. Особенно много было тонких и трепетных листьев осины, которые, как известно, дрожат даже от птичьего свиста.

- Как тебя зовут, девочка? – спросил Григ.

- Дагни Педерсен, - вполголоса ответила девочка.

Она ответила вполголоса не от испуга, а от смущения. Испугаться она не могла, потому что глаза у Грига смеялись.

- Вот беда! – сказал Григ. – Мне нечего тебе подарить. Я не ношу в кармане ни кукол, ни лент, ни бархатных зайцев.

- У меня есть старая кукла, - ответила девочка. – Когда-то она закрывала глаза. Вот так!

Девочка медленно закрыла глаза. Когда она вновь их открыла, то Григ заметил, что зрачки у неё зеленоватые и в них поблёскивает огоньками листва.

- Слушай, Дагни, - сказал Григ, - я придумал. Я подарю тебе одну интересную вещь. Но только не сейчас, а лет через десять.

- Ой, как долго! – Дагни даже руками всплеснула. – А что это такое?

- Узнаешь потом. Понимаешь, мне нужно её ещё сделать.

- Разве за всю свою жизнь, - строго спросила Дагни, - вы можете сделать всего пять или шесть игрушек?

Григ смутился.

- Да нет, это не так, - неуверенно возразил он. – Я сделаю её, может быть, за несколько дней. Но такие вещи не дарят маленьким детям. Я делаю подарки для взрослых.

- Я не разобью, - умоляюще сказала Дагни и потянула Грига за рукав. – И не сломаю. Вот увидите! У дедушки есть игрушечная лодка из стекла. Я стираю с неё пыль и ни разу не отколола даже самого маленького кусочка.

«Она совсем меня запутала, эта Дагни», - подумал с досадой Григ и сказал то, что всегда говорят взрослые, когда попадают в неловкое положение перед детьми:

- Ты ещё маленькая и многого не понимаешь. Учись терпению. А теперь давай корзину. Ты её едва тащишь. Я провожу тебя, и мы поговорим о чём –нибудь другом.

Дагни вздохнула и протянула Григу корзину. Она действительно была тяжёлая. В еловых шишках много смолы, и потому они весят гораздо больше сосновых.

Когда среди деревьев показался дом лесника, Григ сказал:

- Ну, теперь ты добежишь сама, Дагни Педерсен. В Норвегии много девочек с таким именем и фамилией, как у тебя. Как зовут твоего отца?

- Хагеруп, - ответила Дагни, наморщив лоб. – Разве вы не зайдёте к нам? У нас есть вышитая скатерть, рыжий кот и стеклянная лодка. Дедушка позволит вам взять её в руки.

- Спасибо. Сейчас мне некогда. Прощай, Дагни!

Григ пригладил волосы девочки и пошёл в сторону моря. Дагни, насупившись, смотрела ему вслед. Корзину она держала боком, из неё вываливались шишки.

«Я напишу музыку, - решил Григ. – На заглавном листе я прикажу напечатать:

«Дагни Педерсен – дочери лесника Хагерупа Педерсена, когда ей исполнится восемнадцать лет».

Магическая головоломка

«Если вы любопытны, вы найдёте головоломки вокруг вас. Если вы решительны, вы их решите», - говорил венгерский скульптор и профессор архитектуры Эрно Рубик, который в 1974 году изобрёл самую знаменитую головоломку мира.

Рубик работал преподавателем в Академии прикладных искусств и ремёсел города Будапешта. Кубик Рубика изначально создавался как учебное пособие. Рубик хотел собрать конструкцию кубика таким образом, чтобы отдельные его элементы могли свободно вращаться на своих местах, не нарушая конструктивного единства всего приспособления.

Вначале игрушка представляла собой набор из 27 деревянных кубиков с разноцветными гранями. В дальнейшем пришлось отбросить всё лишнее: конструктор оставил всего 54 внешние грани – одноцветные у шести центральных кубиков, двухцветные у двенадцати боковых и трёхцветные у восьми угловых. На место «внутреннего» кубика был помещён цилиндрический скрепляющий механизм, прочно связанный со всеми наружными кубиками, но позволяющий им свободно вращаться друг относительно друга.

В качестве первых испытателей головоломки выступали друзья Рубика и студенты подведомственной Академии.

В 1975 году Рубик получил венгерский патент на своё изобретение. Первым производителем кубика был небольшой будапештский кооператив, выпустивший кубик как новогоднюю игрушку под названием «Магический кубик» к Рождеству 1978 года. Успеха кубик Рубика добился в 1980 году, когда лицензию на его производство купила компания «Ideal Toy Corporation» (именно она дала головоломке имя «кубик Рубика»). Тогда было выпущено около 100 миллионов «легальных» кубиков и ещё больше подделок.

В 1980 году кубик Рубика получил венгерский национальный приз за лучшее изобретение и выиграл конкурсы на лучшую игрушку в США, Великобритании, Франции и Германии. В 1981 году кубик попал в экспозицию Нью-Йоркского музея современного искусства. Эрно Рубик стал первым миллионером в Восточной Европе и в 1988 году основал «Международный фонд Рубика» с целью поддержки молодых изобретателей.

19 мая 2014 года известной головоломке исполнилось 40 лет, но и по сей день она остаётся популярной. Даже глобальная компьютеризация этому не помешала. В 1990-е годы был создан виртуальный кубик Рубика для Windows. В настоящее время собрать кубик предлагает большинство игровых сервисов всемирной электронной паутины. Но посоревноваться в скорости собирания кубика Рубика можно не только в интернете. Раз в два года Всемирная кубическая ассоциация проводит чемпионаты мира по скоростной сборке кубика Рубика. Первый чемпионат мира состоялся в 1982 году в Будапеште. В нём приняли участие представители 19 стран. От участников соревнования требовалось собрать кубик не более чем за 60 секунд. Каждый участник состязания получал новый кубик. Все кубики были одинаково сложно запутаны вращениями с помощью ЭВМ. Лучшее время сборки – 22,95 секунды показал 16-летний студент из Лос-Анджелеса Минх Тхай. Сегодня спортсмены соревнуются в скоростной сборке кубика, в сборке за наименьшее количество движений, сборке одной рукой, сборке ногами, сборке с завязанными глазами. Нынешний рекорд по спидкубингу принадлежит Мэтсу Волку из Нидерландов. Он решил головоломку за 5,55 секунды.

Более чем сороколетняя история головоломки полна необычных фактов. Самый большой кубик Рубика размером 3 метра и весом 500 килограмм находится в городе Ноксвилл, в США, а самый маленький – шириной 10 миллиметров был сделан российским программистом Евгением Григорьевым, его можно собирать как обычный кубик, если удержишь в руках, конечно. Самым дорогим стал «Кубик –шедевр», выполненный из аметиста, рубинов, изумрудов и золота и оценивается в 1,5 миллиона долларов. Предприимчивый повар одного из кафе США из колбасы, сала, салями, нескольких видов сыра и тонких ломтиков хлеба изготавил сэндвич –кубик.

Михаил Глинка. Музыка и любовь.

Михаил Иванович Глинка – настоящий титан русской культуры. Его мелодии звучат в лучших концертных залах мира. Оперы «Руслан и Людмила», «Иван Сусанин», «Патриотическая песня», романсы «В крови горит огонь желанья», «Не искушай» и другие произведения знакомы всем ценителям музыки...

Михаил Глинка открыл глаза и взглянул в окно. Мелкий дождик тихонечко постукивал по крыше, прохожие спешили укрыться в тёплых домах. «А в России сейчас настоящая зима, белые сугробы, мороз... Вряд ли мне суждено ещё раз увидеть снег. Так и умру здесь, в Берлине», - думал композитор. Вот уже несколько дней он не вставал с постели. Врачи давали неутешительные прогнозы. Последние дни были пустыми и длинными. Время ползло так медленно лишь в детстве, когда маленький Миша просиживал зимние вечера в бабушкиной комнате. Но тогда не было ощущения этой безысходной тоски. «Что я, в сущности, смогу оставить после себя? Музыку, которую считают гениальной, но разве это главное в жизни? Сейчас, кажется, я отдал бы всё, чтобы рядом со мной сидела семья, детки. А ведь всё это могло быть...»

Миша родился 20 мая 1804 года в семье помещика Ивана Николаевича Глинки. Ребёнок рос тихим и изнеженным, не проказничал и не шалил, как другие дети, с удовольствием слушался мать, почти никогда не спорил и не нарушал запретов. Мальчик оказался одарённым многими талантами: он играл на скрипке и фортепьяно, прекрасно пел и рисовал и, конечно же, писал музыку, покорившую впоследствии всё музыкальное общество. Всерьёз музыкой он занялся во время учёбы в благородном пансионе при Главном педагогическом институте в Петербурге, обучение продолжил в Италии и уже к 30 годам приобрёл известность как композитор.

Казалось, что кроме музыки его ничто не интересует. Он был абсолютно не приспособлен к жизни: никогда не знал ничего о своём платье, белье, обуви, не помнил, сколько денег уходит на хозяйство. Никто из знакомых не верил, что он хоть на минуту отвлечётся от своих аккордов и займётся личной жизнью.

Однако в 1835 году близкие Михаила Ивановича были поражены неожиданным известием о его женитьбе. Всех, кто знал Глинку, удивлял выбор невесты. «Мишель женился на некой барышне Ивановой, молодой особе без состояния и без образования, совсем не хорошенькой, и которая, в довершение всего, ненавидит музыку», - судачили друзья и родственники. Счастливый композитор не обращал внимания на разговоры. Он дарил любимой самое ценное, что у него было – музыку. Именно для Маши был написан красивейший романс «Только узнал я тебя». Ослеплённый любовью, Глинка не заметил, как придуманный им образ идеальной женщины растворился, и перед ним предстала капризная, мелочная, не разделявшая творческих интересов мужа натура, которую занимали только балы, наряды, сплетни. Семейная жизнь закончилась крахом. Начался длинный бракоразводный процесс. Глинка тяжело переживал семейную драму.

Расставшись с женой, Михаил Иванович полюбил бывать в доме своей сестры Марии Ивановны, жившей в Петербурге. Как-то раз, когда Михаил Иванович гостил у сестры, к ней заглянула её подруга Екатерина Ермолаевна Керн, дочь той самой Анны Керн, которой в своё время был так увлечён Пушкин. «Мой взор невольно остановился на ней: её ясные, выразительные глаза, необычайно стройный стан и особенного рода прелесть и достоинство, разлитые во всей её особе, всё более и более меня привлекали», - вспоминал композитор. Он и сам не заметил, как влюбился в девушку на 14 лет младше себя. Чувство полностью захлестнуло обоих. В тот год Глинка написал знаменитый романс на стихи Пушкина «Я помню чудное мгновенье», посвятив его дочери той, кому поэт посвятил стихи. Несмотря на взаимность чувств, отношения были неопределёнными: Глинка ещё был официально женат (бракоразводный процесс длился 6 лет). После расторжения брака композитор оказался в растерянности и не спешил под венец, чем очень сильно обидел Екатерину Ермолаевну. И вновь расставание...

Душевная боль переросла в физическую, появились апатия, нервные расстройства. Перемена мест – Варшава, Париж, Рим- не помогала. Зимой 1857 года в Берлине с большим успехом прошла опера «Иван Сусанин». Выходя из тёплых комнат королевского дворца, Глинка простудился. Болезнь протекала крайне тяжело. Выздоровление так и не наступило.

Старая черепаха

Вася с мамой зашли в зоомагазин.

- Мама, смотри!- сказал Вася. В углу магазина в ящике лежали две маленькие, чистенькие черепашки. Они были не больше Васиного кулака. Черепашки бесстрашно карабкались по стенкам ящика, соскальзывали на дно и снова, проворно двигая лапками, лезли наверх.

- Мама! – повторил Вася, он даже не добавил «купи». Мама всё поняла по особенному возгласу.

Вася никогда ни в чём не знал отказа, ему всё давалось по щучьему велению: аквариум с причудливыми рыбками, клетка с певчими птицами, коллекция бабочек, велосипед. Это хорошо в сказке, но сказка слишком затянулась. Осенью Вася пойдёт в школу и ему придётся узнать, что в жизни надо многому учиться с трудом и терпением, быть ответственным по отношению к себе и другим. Мама в раздумье покачала головой.

- Хватит нам Машки, - устало отозвалась. – Три черепахи в доме – это много.

- Если так, давай отдадим Машку, она всё равно очень старая, - предложил Вася. Мама промолчала.

Когда пришли домой, Вася твёрдо знал, что ему делать.

- Машка! Машка! – позвал он черепаху, взял её, выбежал на улицу и около ворот базара продал человеку, который как раз хотел подарить черепаху своему сыну. У человека не было с собой денег, и Вася пошёл к нему домой. Человек жил недалеко в небольшом белом домике. Он отдал Васе деньги, а черепаху унёс в дом, и Вася не успел ему сказать, что Машка добрая, что у неё есть свои капризы и слабости. В носу у Васи странно пощипывало, но он со всех ног бросился к зоомагазину.

Когда Вася принёс домой двух маленьких черепашек и поведал матери о своих приключениях, мама огорчилась, но не знала, ни что сказать, ни как поступить в этом случае. А раз так, лучше подождать и подумать, ведь дети такие сложные люди.

Вася не заметил, как прошёл день. Ложась спать, он сказал матери счастливым голосом:

- Знаешь, мама, я так люблю этих черепашек!

- Выходит, старый друг не лучше новых двух, - сказала мать и накрыла сына одеялом.

Но Машка даже и не друг ему, Васе, а просто старая черепаха, и ему вовсе не хочется думать о ней. И всё-таки думает он не о том, как будет завтра играть с весёлыми черепашками, а всё о той же старой Машке... Почему он не сказал тому человеку, что на ночь Машку надо прятать в темноту? А теперь, наверное, лунный свет бьёт в её старые глаза. Он даже не объяснил толком, чем следует кормить Машку...

Конечно, он может завтра же пойти и всё сказать. Тот человек, кажется, очень добрый, утешал себя Вася. Но успокоение не приходило. «Что я такое сделал? – спрашивал он себя с тоской. – Продал старую, совершенно ненужную мне черепаху.» - «Да, она тебе не нужна, - прозвучал ответ, - но ты ей нужен». Своим растревоженным сердцем Вася впервые понял простую истину: не только мир существует для тебя, но и ты для мира.

Он вскочил с кровати, быстро оделся, не стал будить маму, достал черепашек и вышел на ночную улицу, полную теней. Через некоторое время мать подошла к Васиной постели. Васи не было. Она заглянула в ящик – черепашек не было, и сразу всё поняла.

Она вышла из дому и быстро пошла туда, где по рассказу Васи находился белый домик. Вскоре она увидела впереди фигурку сына. Она не окликнула его, не помешала первому доброму порыву. Сын казался таким крошечным на пустынной улице, что у неё сжалось сердце. Она шла и думала о том, что очень трудно вырастить человека, и какое счастье, если у её мальчика будет сильное и верное сердце.

Сказочник

Мне было всего семь лет, когда я познакомился с писателем Христианом Андерсеном.

Случилось это в зимний вечер, всего за несколько часов до наступления двадцатого столетия. Веселый датский сказочник встретил меня на пороге нового века.

Он долго рассматривал меня, прищулив один глаз и посмеиваясь, потом достал из кармана белоснежный душистый платок, встряхнул им, и из платка вдруг выпала большая белая роза. Сразу же вся комната наполнилась ее серебряным светом и непонятным медленным звоном. Оказалось, что это звенят лепестки розы, ударившись о кирпичный пол подвала, где жила тогда наша семья.

Случай с Андерсеном был тем явлением, которое старомодные писатели называли "сном наяву". Просто это мне, должно быть, привиделось.

В тот зимний вечер, о котором я рассказываю, у нас в семье украшали елку. По этому случаю взрослые отправили меня на улицу, чтобы я раньше времени не радовался елке.

Я никак не мог понять, почему нельзя радоваться раньше какого-то твердого срока. По-моему, радость была не такая частая гостья в нашей семье, чтобы заставлять нас, детей, томиться, дожидаясь ее прихода.

Но как бы там ни было, меня услали на улицу. Наступило то время сумерек, когда фонари еще не горели, но могли вот-вот зажечься. И от этого "вот-вот", от ожидания внезапно вспыхивающих фонарей у меня замирало сердце. Я хорошо знал, что в зеленоватом газовом свете тотчас появятся в глубине зеркальных магазинных витрин разные волшебные вещи: коньки "Снегурка", витые свечи всех цветов радуги, маски клоунов в маленьких белых цилиндрах, оловянные кавалеристы на горячих гнедых лошадях, хлопушки и золотые бумажные цепи. Непонятно почему, но от этих вещей сильно пахло клейстером и скипидаром.

Я знал со слов взрослых, что этот вечер был совершенно особенный. Чтобы дождаться такого же вечера, нужно было прожить еще сто лет. А это, конечно, почти никому не удастся.

Я спросил у отца, что значит "особенный вечер". Отец объяснил мне, что этот вечер называется так потому, что он не похож на все остальные.

Действительно, тот зимний вечер в последний день девятнадцатого века не был похож на все остальные. Снег падал медленно и очень важно, и хлопья его были такие большие, что, казалось, с неба слетают на город легкие белые цветы. И по всем улицам слышался глухой перезвон извозчичьих бубенцов.

Когда я вернулся домой, елку тотчас зажгли и в комнате началось такое веселое потрескивание свечей, будто вокруг непрерывно лопались сухие стручки акации.

Около елки лежала толстая книга - подарок от мамы. Это были сказки Христиана Андерсена.

Я сел под елкой и раскрыл книгу. В ней было много цветных картинок, прикрытых папиросной бумагой. Приходилось осторожно отдувать эту бумагу, чтобы рассмотреть эти картинки, липкие от краски.

Там сверкали бенгальским огнем стены снежных дворцов, дикие лебеди летели над морем, в котором отражались розовые облака, и оловянные солдатики стояли на часах на одной ноге, сжимая длинные ружья.

Я начал читать и зачитался так, что, к огорчению взрослых, почти не обратил внимания на нарядную елку.

Прежде всего я прочел сказку о стойком оловянном солдатике и маленькой прелестной плясунье, потом - сказку о снежной королеве. Удивительная и, как мне показалось, душистая, подобно дыханию цветов, человеческая доброта исходила от страниц этой книги с золотым обрезом.

Потом я задремал под елкой от усталости и жара свечей и сквозь эту дремоту увидел Андерсена, когда он обронил белую розу. С тех пор мое представление о нем всегда было связано с этим приятным сном.

Тогда я еще не знал, конечно, двойного смысла андерсеновских сказок. Я не знал, что в каждой детской сказке заключена вторая, которую в полной мере могут понять только взрослые.

Это я понял гораздо позже. Понял, что мне просто повезло, когда в канун трудного и великого двадцатого века мне встретился милый чудак и поэт Андерсен и научил меня вере в победу солнца над мраком и доброго человеческого сердца над злом. Тогда я уже знал пушкинские слова "Да здравствует солнце, да скроется тьма!" и был почему-то уверен, что Пушкин и Андерсен были закадычными друзьями и, встречаясь, долго хлопали друг друга по плечу и хохотали.

Биографию Андерсена я узнал значительно позже. С тех пор она всегда представлялась мне в виде интересных картин, похожих на рисунки к его рассказам.

Андерсен всю свою жизнь умел радоваться, хотя детство его не давало для этого никаких оснований. Родился он в 1805 году, во времена наполеоновских войн, в старом датском городе Оденсе в семье сапожника.

Оденсе лежит в одной из котловин среди низких холмов на острове Фюн. В котловинах на этом острове почти всегда застаивался туман, а на вершинах холмов цвел вереск.

Если хорошенько подумать, на что был похож Оденсе, то, пожалуй, можно сказать, что он больше всего напоминал игрушечный город, вырезанный из почернелого дуба.

Недаром Оденсе славился своими резчиками по дереву. Один из них средневековый мастер Клаус Берг вырезал из черного дерева огромный алтарь для собора в Оденсе. Алтарь этот - величественный и грозный - наводил оторопь не только на детвору, но даже на взрослых.

Но датские резчики делали не только алтари и статуи святых. Они редпочитали вырезать из больших кусков дерева те фигуры, что, по морскому обычаю, украшали форштевни парусных кораблей. То были грубые, но выразительные статуи мадонн, морского бога Нептуна, nereид, дельфинов и изогнувшихся морских коньков. Эти статуи раскрашивали золотом, охрой и кобальтом, причем клали краску так густо, что морская волна не могла в течение многих лет смыть ее или повредить.

По существу эти резчики корабельных статуй были поэтами моря и своего ремесла. Не зря же из семьи такого резчика вышел один из величайших скульпторов девятнадцатого века, друг Андерсена, датчанин Альберт Торвальдсен.

Маленький Андерсен видел замысловатые работы резчиков не только на кораблях, но и на домах Оденсе. Должно быть, он знал в Оденсе тот старый-престарый дом, где год постройки был вырезан на деревянном толстом щите в рамке из тюльпанов и роз. Там же было вырезано целое стихотворение, и дети выучивали его наизусть. А у башмачников висели над дверью деревянные вывески с изображением орла с двумя головами в знак того, что башмачники всегда шьют только парную обувь.

Отец Андерсена был башмачником, но над его дверью не висело изображение двуглавого орла. Такие вывески имели право держать только члены цеха башмачников, а отец Андерсена был слишком беден, чтобы платить взносы в цех.

Андерсен вырос в бедности. Единственной гордостью семьи Андерсенов была необыкновенная чистота в их доме, ящик с землей, где густо разрастался лук, и несколько вазонов на окнах.

В них цвели тюльпаны. Их запах сливался с перезвоном колоколов, стуком отцовского сапожного молотка, лихой дробью барабанщиков около казармы, свистом флейты бродячего музыканта и хриплыми песнями матросов, выводивших по каналу неуклюжие барки в соседний залив.

Во всем этом разнообразии людей, небольших событий, красок и звуков, окружавших тихого мальчика, он находил повод для того, чтобы радоваться и выдумывать всякие истории.

В доме Андерсенов у мальчика был только один благодарный слушатель - старый кот по имени Карл. Но Карл страдал крупным недостатком - он часто засыпал, не дослушав до конца какую-нибудь интересную сказку. Кошачьи годы, как говорится, брали свое.

Но мальчик не сердился на старого кота. Он все ему прощал за то, что Карл никогда не позволял себе сомневаться в существовании колдуний, хитреца Клумпе-Думпе, догадливых трубочистов, говорящих цветов и лягушек с бриллиантовыми коронами на голове.

Первые сказки мальчик услышал от отца и старух из соседней богадельни. Весь день эти старухи пряли, сгорбившись, серую шерсть и бормотали свои нехитрые рассказы. Мальчик

переделывал эти рассказы по-своему, украшал их, как бы раскрашивал свежими красками и в неузнаваемом виде снова рассказывал их, но уже от себя богаделкам. А те только ахали и шептались между собой, что маленький Христиан слишком умен и потому не заживется на свете.

Прежде чем рассказывать дальше, надо остановиться на том свойстве Андерсена, о котором я уже вскользь говорил, - на его умении радоваться всему интересному и хорошему, что попадает на каждой тропинке и на каждом шагу.

Пожалуй, неправильно называть это свойство умением. Гораздо вернее назвать его талантом, редкой способностью замечать то, что ускользает от ленивых человеческих глаз.

Мы ходим по земле, но часто ли нам является в голову желание нагнуться и тщательно рассмотреть эту землю, рассмотреть все, что находится у нас под ногами. А если бы мы нагнулись или даже больше - легли бы на землю и начали рассматривать ее, то на каждой пяди мы бы нашли много любопытных вещей.

Разве не интересен сухой мох, рассыпающий из своих кувшинчиков изумрудную пыльцу, или цветок подорожника, похожий на сиреневый солдатский султан? Или обломок перламутровой ракушки - такой крошечный, что из него нельзя сделать даже карманное зеркальце для куклы, но достаточно большой, чтобы бесконечно переливаться и блестеть таким же множеством неярких красок, каким горит на утренней заре небо над Балтикой.

Разве не прекрасна каждая травинка, наполненная пахучим соком, и каждое летучее семечко липы? Из него обязательно вырастет могучее дерево.

Да мало ли что увидишь у себя под ногами! Обо всем этом можно писать рассказы и сказки, - такие сказки, что люди будут только качать головами от удивления и говорить друг другу:

- Откуда только взялся такой благословенный дар у этого долговязого сына башмачника из Оденсе? Должно быть, он все-таки колдун.

Детей вводит в мир сказки не только народная поэзия, но и театр. Спектакль дети почти всегда принимают как сказку.

Яркие декорации, свет масляных ламп, бряцанье рыцарских доспехов, гром музыки, подобный грому сражения, слезы принцесс с синими ресницами, рыжебородые злодеи, сжимающие рукоятки зазубренных мечей, пляски девушек в воздушных нарядах - все это никак не походит на действительность и, конечно, может происходить только в сказке.

В Оденсе был свой театр. Там маленький Христиан впервые увидел пьесу с романтическим названием "Дунайская дева". Он был ошеломлен этим спектаклем и с тех пор стал ярким театралом на всю свою жизнь - до самой смерти.

На театр не было денег. Тогда мальчик заменил подлинными спектакли воображаемыми. Он подружился с городским расклейщиком афиш Петером, начал помогать ему, а за это Петер дарил Христиану по одной афише каждого нового спектакля.

Христиан приносил афишу домой, забивался в угол и, прочитав название пьесы и имена действующих лиц, тут же выдумывал свою, захватывающую дух пьесу под тем же названием, которое стояло на афише.

Выдумывание это длилось по нескольку дней. Так создавался тайный репертуар детского воображаемого театра, где мальчик был всем: автором и актером, музыкантом и художником, осветителем и певцом.

Андерсен был единственным ребенком в семье и, несмотря на бедность родителей, жил вольно и беззаботно. Его никогда не наказывали. Он занимался только тем, что непрерывно мечтал. Это обстоятельство даже помешало ему вовремя научиться грамоте. Он одолел ее позже, чем все мальчики его возраста, и до пожилых лет писал не совсем уверенно и делал орфографические ошибки.

Больше всего времени Христиан проводил на старой мельнице на реке Оденсе. Мельница эта вся тряслась от старости, окруженная обильными брызгами и потоками воды. Зеленые бороды тины свешивались с ее дырявых лотков. У берегов запруды плавали в ряске ленивые рыбы.

Кто-то рассказал мальчику, что прямо под мельницей на другом конце земного шара находится Китай и что китайцы довольно легко могут прокопать подземный ход в Оденсе и внезапно появиться на улицах заплесневелого датского городка в красных атласных халатах, расшитых золотыми драконами, и с изящными веерами в руках.

Мальчик долго ждал этого чуда, но оно почему-то не произошло.

Кроме мельницы, еще одно место в Оденсе привлекало маленького Христиана. На берегу канала была расположена усадьба старого отставного моряка. В своем саду моряк установил несколько маленьких деревянных пушек и рядом с ними - высокого, тоже деревянного солдата.

Когда по каналу проходил корабль, пушки стреляли холостыми зарядами, а солдат палил в небо из деревянного ружья. Так старый моряк салютовал своим счастливым товарищам - капитанам, еще не ушедшим на пенсию.

Несколько лет спустя Андерсен попал в эту усадьбу уже студентом. Моряка не было в живых, но юного поэта встретил среди цветочных клумб рой красивых и задорных девушек - внучек старого капитана.

Впервые тогда Андерсен почувствовал любовь к одной из этих девушек, - любовь, к сожалению, безответную и туманную. Такими же были все увлечения женщинами, случавшиеся в его беспокойной жизни.

Христиан мечтал обо всем, что только могло прийти ему в голову. Родители же мечтали сделать из мальчика хорошего портного. Мать учила его кроить и шить. Но мальчик если что-либо и шил, то только пестрые платья для своих театральных кукол (у него уже был свой собственный домашний театр). А вместо кройки он научился виртуозно вырезать из бумаги замысловатые узоры и маленьких танцовщиц, делающих пируэты. Этим своим искусством он поражал всех даже в годы своей старости.

Уменье шить пригодилось впоследствии Андерсену, как писателю. Он так перемарывал рукописи, что на них не оставалось места для поправок. Тогда Андерсен выписывал эти поправки на отдельных листках бумаги и тщательно вшивал их нитками в рукопись - ставил на ней заплатки.

Когда Андерсену исполнилось четырнадцать лет, умер его отец. Вспоминая об этом, Андерсен говорил, что всю ночь над умершим пел сверчок, в то время как мальчик всю ночь проплакал.

Так под песню запечного сверчка ушел из жизни застенчивый башмачник, ничем не замечательный, кроме того, что он подарил миру своего сына - сказочника и поэта.

Вскоре после смерти отца Христиан отпросился у матери и на жалкие сбереженные гроши уехал из Оденсе в столицу Копенгаген - завоевывать счастье, хотя он сам еще толком не знал, в чем оно заключалось.

В сложной биографии Андерсена нелегко установить то время, когда он начал писать свои первые прелестные сказки.

С раннего детства его память была полна разных волшебных историй. Но они лежали под спудом. Юноша Андерсен долго считал себя кем угодно - певцом, танцором, декламатором, поэтом, сатириком и драматургом, но только не сказочником. Несмотря на это, отдаленный голос сказки давно слышался то в одном, то в другом из его произведений как звук чуть затронутой, но тотчас же отпущенной струны.

Свободное воображение ловит в окружающей нас жизни сотни частных и соединяет их в стройный и мудрый рассказ. Нет ничего, чем пренебрег бы сказочник, - будь то горлышко пивной бутылки, капля росы на пере, потерянной иволгой, или заржавленный уличный фонарь. Любая мысль - самая могучая и великолепная - может быть выражена при дружеском содействии этих скромных вещей.

Что толкнуло Андерсена в область сказки?

Сам он говорил, что легче всего писать сказки, оставаясь наедине с природой, "слушая ее голос", особенно в то время, когда он отдыхал в лесах Зеландии, почти всегда окутанных неплотным туманом, дремлющих под слабым мерцанием звезд. Далекий ропот моря, долетавший в чашу этих лесов, придавал им таинственность.

Но мы также знаем, что многие свои сказки Андерсен писал среди зимы, в разгар детских елочных праздников, и придавал им нарядную форму, свойственную елочным украшениям.

Что говорить? Приморская зима, ковры снега, треск огня в печах и сияние зимней ночи - все это располагает к сказке. А может быть, толчком к тому, что Андерсен стал сказочником, послужил один случай на улице в Копенгагене.

Маленький мальчик играл на подоконнике в старом копенгагенском доме. Игрушек было не так уж много - несколько кубиков, старая бесхвостая лошадь из папье-маше, много раз уже выкупанная и потому потерявшая масть, и сломанный оловянный солдатик.

Мать мальчика - молодая женщина - сидела у окна и вышивала.

В это время в глубине пустынной улицы со стороны Старого порта, где усыпительно покачивались в небе реи кораблей, показался высокий и очень худой человек в черном. Он быстро шел несколько скачущей неуверенной походкой, размахивая длинными руками, и говорил сам с собой.

Шляпу он нес в руке, и потому был хорошо виден его большой покатый лоб, орлиный тонкий нос и серые сощуренные глаза.

Он был некрасив, но изящен и производил впечатление иностранца. Душистая веточка мяты была воткнута в петлицу его сюртука.

Если бы можно было прислушаться к бормотанию этого незнакомца, то мы бы услышали, как он чуть нараспев читает стихи:

Я сохранил тебя в своей груди,

О, роза нежная моих воспоминаний.

Женщина за пальцами подняла голову и сказала мальчику.

- Вот идет наш поэт, господин Андерсен. Под его колыбельную песню ты так хорошо засыпаешь.

Мальчик посмотрел исподлобья на незнакомца в черном, схватил своего единственного хромого солдатика, выбежал на улицу, сунул солдатика в руку Андерсену и тотчас убежал.

Это был неслыханно щедрый подарок. Андерсен понял это. Он воткнул солдатика в петлицу сюртука рядом с веточкой мяты, как орден, потом вынул платок и слегка прижал его к глазам, недаром друзья обвиняли его в чрезмерной чувствительности.

А женщина, подняв голову от вышивания, подумала, как хорошо и вместе с тем трудно было бы ей жить с этим поэтом, если бы она могла полюбить его. Вот говорят, что даже ради молодой певицы Дженни Линд, в которую он был влюблен - все звали ее "ослепительной Иенни" - Андерсен не захотел отказаться ни от одной из своих поэтических привычек и выдумок.

А этих выдумок было много. Однажды он даже придумал прикрепить к мачте рыбацкой шхуны эолову арфу, чтобы слушать ее жалобное пение во время угрюмых северо-западных ветров, постоянно дующих в Дании.

Андерсен считал свою жизнь прекрасной и почти безоблачной, но, конечно, лишь в силу детской своей жизнерадостности. Эта незлобивость по отношению к жизни обычно бывает верным признаком внутреннего богатства. Таким людям, как Андерсен, нет охоты растрчивать время и силы на борьбу с житейскими неудачами, когда вокруг так явственно сверкает поэзия и нужно жить только в ней, жить только ею и не пропустить то мгновение, когда весна прикоснется губами к деревьям. Как бы хорошо никогда не думать о житейских невзгодах! Что они стоят по сравнению с этой благодатной, душистой весной.

Андерсену хотелось так думать и так жить, но действительность совсем не была милостива к нему, как он того заслуживал.

Было много, слишком много огорчений и обид, особенно в первые годы в Копенгагене, в годы нищеты и пренебрежительного покровительства со стороны признанных поэтов, писателей и музыкантов.

Слишком часто, даже в старости, Андерсену давали понять, что он "бедный родственник" в датской литературе и что ему - сыну сапожника и бедняка - следует знать свое место среди господ советников и профессоров.

Андерсен говорил о себе, что за свою жизнь он выпил не одну чашу горечи. Его замалчивали, на него клеветали, над ним насмехались. За что?

За то, что в нем текла "мужицкая кровь", что он не был похож на спесивых и благополучных обывателей, за то, что он был истинный поэт "божьей милостью", был беден, и, наконец, за то, что он не умел жить.

Неумение жить считалось самым тяжким пороком в филистерском обществе Дании. Андерсен был просто неудобен в этом обществе - этот чудак, этот, по словам философа Киркегора,

оживший смешной поэтический персонаж, внезапно появившийся из книги стихов и забывший секрет, как вернуться обратно на пыльную полку библиотеки.

"Все хорошее во мне топтали в грязь", - говорил о себе Андерсен. Говорил он и более горькие вещи, сравнивая себя с тонущей собакой, в которую мальчишки швыряют камни, но не из злости, а ради пустой забавы.

Да, жизненный путь этого человека, умевшего видеть по ночам свечение шиповника, похожее на мерцание белой ночи, и умевшего услышать воркотню старого пня в лесу, не был усыпан венками.

Андерсен страдал жестоко, и можно только преклоняться перед мужеством этого человека, не растерявшего на своем житейском пути ни доброжелательства к людям, ни жажды справедливости, ни способности видеть поэзию всюду, где она есть.

Он страдал, но он не покорялся. Он негодовал. Он гордился своей кровной близостью к беднякам - крестьянам и рабочим. Он вошел в "Рабочий союз" и первый из датских писателей начал читать рабочим свои сказки.

Он становился ироничен и беспощаден, когда дело касалось пренебрежения к простому человеку, несправедливости и лжи. Рядом с детской сердечностью в нем жил едкий сарказм. С полной силой он выразил его в своей великой сказке о голом короле.

Когда умер скульптор Торвальдсен, сын бедняка и друг Андерсена, то Андерсену была невыносима мысль, что за гробом великого мастера впереди всех будет напыщенно шествовать датская знать.

Андерсен написал кантату на смерть Торвальдсена. Он собрал на похороны детей бедняков со всего Амстердама. Эти дети шли цепью по сторонам похоронной процессии и пели кантату Андерсена, начинавшуюся словами:

Дорогу дайте к гробу беднякам,
Из их среды почивший вышел сам...

Андерсен писал о своем друге поэте Ингемане, что тот разыскивал семена поэзии на крестьянской земле. С гораздо большим правом эти слова относятся к самому Андерсену. Он собирал зерна поэзии с крестьянских полей, согревал их у своего сердца, сеял в низких хижинах, и из этих семян вырастали и расцветали невиданные и великолепные цветы поэзии, радовавшие сердца бедняков.

Были годы трудного и унижительного учения, когда Андерсену приходилось сидеть в школе за одной партой с мальчиками, бывшими моложе его на много лет.

Были годы душевной путаницы и мучительных поисков своей настоящей дороги. Сам Андерсен долго не знал, какие области искусства сродни его таланту.

"Как горец вырубает ступеньки в гранитной скале,-говорил о себе под старость Андерсен,-так я медленно и тяжело завоевывал свое место в литературе".

Он толком не знал своей силы, пока поэт Ингемай не сказал ему шутя: "Вы обладаете драгоценной способностью находить жемчуг в любой сточной канаве".

Эти слова открыли Андерсену самого себя.

И вот на двадцать третьем году жизни вышла первая подлинно андерсеновская книга "Прогулка на остров Амагер". В этой книге Андерсен решил, наконец, выпустить в мир "пестрый рой своих фантазий".

Легкий трепет восхищения перед неведомым до тех пор поэтом прошел по Дании. Будущее становилось ясным.

На первый же скудный гонорар от своих книг Андерсен устремился в путешествие по Европе.

Бесперывные поездки Андерсена можно с полным правом назвать путешествиями не только по земле, но и по своим великим современникам, потому что, где бы Андерсен ни был, он всегда знакомился со своими любимыми писателями, поэтами, музыкантами и художниками.

Такие знакомства Андерсен считал не только естественными, но просто необходимыми. Блеск ума и таланта великих современников Андерсена наполняли его ощущением собственной силы.

В длительном волнении, в постоянной смене стран, городов, народов и попутчиков, в волнах "дорожной поэзии", в удивительных встречах и не менее удивительных размышлениях прошла вся жизнь Андерсена.

Он писал всюду, где его заставляла жажда писать. Кто сочтет, сколько царапин оставило его острое торопливое перо на оловянных чернильницах в гостиницах Рима и Парижа, Афин и Константинополя, Лондона и Амстердама!

Я упомянул о торопливом пере Андерсена. Придется на минуту отложить рассказ о его путешествиях, чтобы объяснить это выражение.

Андерсен писал очень быстро, хотя потом долго и придирчиво правил свои рукописи.

Писал же он быстро потому, что обладал даром импровизации. Андерсен был чистым образцом импровизатора.

Импровизация - это стремительная отзывчивость поэта на любую чужую мысль, на любой толчок извне, немедленное превращение этой мысли в потоки образов и гармонических картин. Она возможна лишь при большом запасе наблюдений и великолепной памяти.

Свою повесть об Италии Андерсен написал как импровизатор. Поэтому он и назвал ее этим словом - "Импровизатор". И, может быть, глубокая и почтительная любовь Андерсена к Гейне объяснялась отчасти тем, что в немецком поэте Андерсен видел своего собрата по импровизации.

Но вернемся к путешествиям Христиана Андерсена.

Первое путешествие он совершил по Каттегату, заполненному сотнями парусных кораблей. Это была очень веселая поездка. В то время в Каттегате появились первые пароходы "Дания" и "Каледония". Они вызвали ураган негодования среди шкиперов парусных кораблей.

Когда пароходы, надымив на весь пролив, смущенно проходили сквозь строй парусников, их подвергали неслыханным насмешкам. Шкипера посылали им в рупор самые отборные проклятья. Их обзывали "трубочистами", "дымовозами", "копчеными хвостами" и "вонючими лоханками". Эта жестокая морская распря очень забавляла Андерсена.

Но плавание по Каттегату было не в счет. После него начались «настоящие путешествия» Андерсена. Он много раз объездил всю Европу, был в Малой Азии и даже в Африке.

Он познакомился в Париже с Виктором Гюго и великой артисткой Рашель, беседовал с Бальзаком, был в гостях у Гейне. Он застал немецкого поэта в обществе молоденькой прелестной жены-парижанки, окруженной кучей шумных детей. Заметив растерянность Андерсена (сказочник втайне побаивался детей), Гейне сказал:

- Не пугайтесь. Это не наши дети. Мы их занимаем у соседей.

Дюма водил Андерсена по дешевым парижским театрам, а однажды Андерсен видел, как Дюма писал свой очередной роман, то громко переругиваясь с его героями, то покатываясь от хохота.

Вагнер, Шуман, Мендельсон, Россини и Лист играли для Андерсена свои вещи, Листа Андерсен называл "духом бури над струнами".

В Лондоне Андерсен встретился с Диккенсом. Они посмотрели друг другу в глаза, Андерсен не выдержал, отвернулся и заплакал, то были слезы восхищения перед великим сердцем Диккенса.

Потом Андерсен был в гостях у Диккенса в его маленьком доме на взморье. Во дворе заунывно играл шарманщик-итальянец, за окном в сумерках блеснет огонь маяка, мимо дома проплывали, выходя из Темзы в море, неуклюжие пароходы, а отдаленный берег реки, казалось, горел, как торф, - то дымили лондонские заводы и доки.

- У нас полон дом детей, - сказал Диккенс Андерсену, хлопнул в ладоши, и тотчас несколько мальчиков и девочек - сыновей и дочерей Диккенса - вбежали в комнату, окружили Андерсена и расцеловали его в благодарность за сказки.

Но чаще всего и дольше всего Андерсен бывал в Италии.

Рим стал для него, как и для многих иностранных писателей и художников, второй родиной.

Однажды Андерсен проезжал в дилижансе по Италии. Была весенняя ночь, полная крупных звезд. В дилижанс село несколько деревенских девушек. Было так темно, что пассажиры не могли рассмотреть друг друга. Но, несмотря на это, между ними начался шуточный разговор. Да, было так темно, что Андерсен заметил только, как поблескивали влажные зубы девушек.

Он начал рассказывать девушкам о них самих. Он говорил о них, как о сказочных принцессах. Он увлекся. Он восхвалял их зеленые загадочные глаза, душистые косы, рдеющие губы и тяжелые ресницы.

Каждая девушка была по-своему прелестна в описании Андерсена и по-своему счастлива.

Девушки смущенно смеялись, но, несмотря на темноту, Андерсен заметил, как у некоторых из них блестели на глазах слезы. То были слезы благодарности доброму и странному попутчику.

Одна из девушек попросила Андерсена, чтобы он описал им самого себя.

Андерсен был некрасив. Он знал это. Но сейчас он изобразил себя стройным, бледным и обаятельным молодым человеком с душой, трепещущей от ожидания любви.

Наконец дилижанс остановился в глухом городке, куда ехали девушки. Ночь стала еще темнее. Девушки расстались с Андерсеном, причем каждая горячо и нежно поцеловала на прощанье удивительного незнакомца.

Дилижанс тронулся. Лес шумел за его окнами. Фыркали лошади, и низкие итальянские созвездия пылали над головой. И Андерсен был счастлив так, как, может быть, еще никогда не был счастлив в жизни. Он благословлял дорожные неожиданности, мимолетные и милые встречи.

Италия покорила Андерсена. Он полюбил в ней все: каменные мосты, заросшие плющом, обветшалые мраморные фасады зданий, оборванных смуглых детей, померанцевые рощи, "отцветающий лотос" - Венецию, статуи Латерана, осенний воздух, холодноватый и пьянящий, мерцание куполов над Римом, старинные холсты, ласкающее солнце и то множество плодотворных мыслей, которые рождала Италия в его сердце.

Умер Андерсен в 1875 году.

Несмотря на частые невзгоды, ему выпало на долю подлинное счастье быть обласканным своим народом.

Я не перечисляю тут всего, что написал Андерсен. Вряд ли это нужно. Я хотел только набросать беглый облик этого поэта и сказочника, этого обаятельного чудака, оставшегося до самой своей смерти чистосердечным ребенком, этого вдохновенного импровизатора и ловца человеческих душ - и детских и взрослых.

Он был поэтом бедняков, несмотря на то, что короли считали за честь пожать его сухощавую руку.

Он был простонародным певцом. Вся его жизнь свидетельствует о том, что сокровища подлинного искусства заключены только в сознании народа и нигде больше.

Поэзия насыщает сердце народа подобно тому, как мириады капелек влаги насыщают воздух над Данией. Поэтому, говорят, нигде нет таких широких и ярких радуг, как там.

Пусть же эти радуги почаще сверкают, как многоцветные триумфальные арки, над могилой сказочника Андерсена и над кустами его любимых белых роз.

Vertimų projektas „TAVO ŽVILGSNIS 2017“

1. Švietimo įstaigos pavadinimas	
2. Moksleivio (-ės) vardas, pavardė (spausdintinėmis raidėmis)	
3. Mokytojo (darbo vadovo) vardas, pavardė	
4. Verčiamo teksto pavadinimas (lietuvių kalba)	
5. Užsienio kalba, iš kurios verčiama	
6. Tai Jūsų pirmoji ar antroji užsienio kalba?	
7. Moksleivio klasė/kursas	
8. Moksleivio amžius	
9. Užsienio kalbos mokymosi metai	